

**УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ РФ:
ВЫРАБОТКА ФУНКЦИОНАЛЬНО ЭФФЕКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ЭЛИТ**

М. А. Казаков

**MANAGEMENT OF THE INNOVATION DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION:
DEVELOPMENT OF FUNCTIONAL ELEMENTS OF PROFESSIONAL ELITES INSTRUMENT**

M. A. Kazakov

В статье показано, что в обстановке углубления национальной идентичности и замещения идеи политической модернизации крупными идеологическими и экономическими проектами государства, элиты страны получают характерные импульсы инновационных изменений. Их осуществление с целью прояснения контуров ландшафта завтрашнего дня ускоряет овладение субъектами политики новых форм социального взаимодействия, требует переоценки методов, механизмов, решений, употребляемых ими в различающихся фазах их производства, управления, образующих в инновационном процессе единое комплексное целое.

The paper shows that in an environment of deepening national identity and substituting the idea of political modernization with major ideological and economic projects of the state, elites gain characteristic impulses of innovative changes. Their implementation in order to clarify the contours of the landscape of tomorrow accelerates the subjects of politics' mastering new forms of social interaction, requires a re-evaluation of methods, tools, solutions, used by them at different stages of their production and, management, and forming a single integrated whole in the innovation process.

Ключевые слова: комплексный подход, институционализация, инновационный процесс, инструментарий, политическая элита, социальное партнерство, экспертиза.

Keywords: integrated approach, institutionalization, innovation process, tools, political elite, social partnership, expertise.

Процесс управления инновационным развитием в качестве обязательных включает такие задачи, как прогнозирование и проектирование, планирование и регулирование ресурсов, *решение* которых (как основная задача и базовая способность элит), находит концентрированное выражение в феномене руководства общественной жизнью. На вопрос: «как это делается?» – определенно отвечает профессиональный инструментарий элит, состояние и анализ развития которого составляет предмет статьи.

Благосостояние большинства граждан страны помимо их трудовой деятельности зависит от того, являются ли принимаемые элитой решения компетентными, и главное, выражают ли они их интересы или выгодны лишь руководящей иерархии. В таком ракурсе политические и иные элиты занимают ключевое место в политологическом дискурсе, подтверждающем свое значение новыми комбинациями ресурсов и возможностей управления. Их разбор требует различения средств (ресурсов) и технологий – *инструментария* (процедур, техник) как *сравнительно ограниченного набора выработанных в культуре и существующих вне зависимости от человека, предметных или идеальных (пред)конструкций для взаимодействия с обществом и его преобразования*. Где в исходном – выработка «определенных технологий решения задач» (А. Соловьев) [12, с. 415].

Научный интерес к роли элит и ее инструментам актуален и потому, что действия, предпринимаемые людьми, образующими костяк элитных групп, вполне наблюдаемы, подлежат *анализу и верификации*, т. к. закреплены в соглашениях, законах, правилах, знаниях. Но для того, чтобы эти составляющие стали ресурсом инновационной экономики и политики, они

должны быть представлены не в теоретической форме, а в инструментальном, «методико-технологическом» виде (*прим. автора*: Например, «инструментарием в прикладной социологии называют методические документы, с помощью которых осуществляется сбор первичной информации» [10, с. 21]). Смена «оптики» объясняет востребованность *комплексного подхода*. В отличие от системного в нем, могут объединяться функциональные элементы, занятые различными типами деятельности. Это рождает ряд проблем в *проявлении и воспроизводстве элит* как собственно политического субъекта, умеющего соотносить содержание своей деятельности с востребованной временем позицией, ценностями и уместными инструментами рефлексии и реализации.

Политические элиты и социальные инновации как явления, представленные реальными людьми, играющими определенные роли и выполняющими конкретные функции, имеют высокую, но разную степень *институционализации*. Ее проблемы, которыми реально занимается узкий круг ученых и ведомств, становятся, условно, первыми, на пути формирования нового инструментария элит в условиях глобализации как катализатора модернизационных процессов. В общем виде, институционализация определяет особый тип связей личности, общества и государства, что можно объединить во властных отношениях, каковые мыслятся на основе различных моделей в зависимости от места, которое политика занимает в обществе и по отношению к рядовым гражданам.

В этом смысле роль элиты как института проявляется в выработке и трансляции в общество определенных систем знаний и правил, в рамках которых проведение и управление инновациями осуществляет-

ся в соответствии с национальной культурой и сопряженного с ней институционального порядка. В «особенном» – все гораздо сложнее.

Структурирование политики, в большей степени опирается на внутреннюю организацию деятельности элит, имеющей в качестве пред-конструкции нормы и правила, образы и представления, паттерны и примеры взаимодействия из арсенала социального неравенства. Именно они определяют позицию элит к требуемым обществом изменениям, которые в силу опосредующей их *нецелостности* понимаются и отражаются в их поведении не одинаково, а соответственно имеющейся у субъектов культур(ы). Ее содержание обуславливает появление различий в оценках и практиках преобразований.

Изучение их исторических и современных примеров свидетельствует, что социальные преобразования, происходящие в обществе, зависят прежде всего от деятельности правящей группы, в другом случае – от активности одной из элитарных групп, наконец, в ряде других – от удачной или неудачной попытки представителей контрэлиты занять ключевые позиции в государстве, используя недовольство масс. Трансформация структуры политической элиты, изменение ее ценностных, культурных и идеологических приоритетов, развитие социальной циркуляции, механизмов отбора и участия новых членов задают не только контуры политического пространства, но и определяют характер проявления и функционирования общественных институтов.

Более того, в обстановке углубления (а где-то и кризиса) национальной идентичности, замещения идеи политической модернизации крупными идеологическими и экономическими проектами государства, элиты страны получают характерные импульсы инновационных изменений. Их осуществление с целью прояснения контуров ландшафта завтрашнего дня ускоряет овладение субъектами политики новых форм социального взаимодействия – партнерства, требует переоценки методов, механизмов, решений, употребляемых ими в различающихся фазах их производства, управления, образующих в инновационном процессе (ИП) единое комплексное целое.

Результаты авторских исследований в рамках уже не «нового институционализма» [5] и не модной транзитологии [6] подчеркивают продуктивность *тенденции синтеза* методов политической и социологической науки на базе дифференциации разного рода теорий, включая как никогда актуальных сейчас национальных интересов. Она пытается снять антагонизм субъектов и институтов, конфликтов и управления не по принципу «или-или», а на пути взаимодействия наук, дисциплин и ответственности их акторов за объяснение сложных явлений. Среди них социальное партнерство как таковое, но важнее в конкретике принципов, черт и акций, т. е. как государственно-частное партнерство (ГЧП) есть и объект исследования, и инструмент интеграции субъектов с различными целями в разных сферах общества.

В силу чего в поиске ответов на разрывы в теории и практиках подобных явлений наряду с утилитаристскими совершенствуются и методы, способные «вложить» в *цель деятельности* смысл, групповые ценно-

сти и приоритеты, отразив тем самым большее число человеческих свойств социального взаимодействия. Его динамика не укладывается ныне лишь в эволюцию институтов власти, и становится точкой отсчета для анализа более широкой группы факторов и эффектов, выявляемых как на базе рационально-позитивной, так и критической методологии. В ней важное место отводится институциональному строительству «государства развития» (партнера) и умеренно оптимистичному взгляду на будущее «общества модерна» при условии закрепления указанной ориентации элитой.

Социально-историческая миссия элит состоит в том, что только она, с точки зрения основателей их теории, способна организовать и упорядочить систему общественного взаимодействия. Творческая деятельность элиты выстраивает фундамент социальной интеграции, противопоставляет разрушительному произволу или апатии масс свою волю и рациональность. Уместно напомнить и то, что функциональная роль понятия «элиты» в социальных и политических науках заключается в том, чтобы ввести представление о движущих силах развития тогда, когда другие источники инновационного процесса (естественные и институциональные) оказываются в силу разных обстоятельств неопределенными. На смену иерархическому подходу в исследовании элит (О. Крыштановская) [9] приходит их понимание как социальных групп, «которые связаны с представлением самых актуальных, востребованных хозяйственных и публичных услуг, ... и оказывают преобладающее влияние на развитие России как интегрированной и при этом открытой, современной и конкурентоспособной нации» [1].

Но как только дискурс о них выходит за рамки коллективных ожиданий и переходит в разряд категорий, подлежащих операционализации и эмпирической проверке, встает ряд вопросов, лежащих как плоскости институционализации элит, проявлении их феномена, так и состава, функций, ресурсов, механизмов отбора и принятия решений, а значит, критериев признания обществом их деятельности. В первом их блоке ключевое значение имеют конкретные основы социального порядка [4]. Держится ли он на индивидуальных заслугах и достижениях, признаваемых автономными структурами социального действия, т. е. институтами (среди которых и партнерство как среда). Или, как в «русском» варианте, он задан характером власти в обществе и реализуется посредством государственного регулирования с заложенными в нем преимуществами.

Во втором блоке, с учетом того, что, и глобализация, и модернизация способны влиять на элиты, заставляя их (даже в целях самосохранения) следовать духу современных трендов, на первый план выходит отбор *комплексных решений* как предлагаемых, так и существующих в виде вызовов для политической элиты. Они в свою очередь осложнены тем, что есть острая необходимость в выработке *инновационного решения*. Оно требует сделать выбор при отсутствии очевидных альтернатив и представляет собой результат умственно-психологической и творческой деятельности, который приводит к выбору определенной

альтернативы действий относительно освоения новейших сфер деятельности, реализации неиспользованного потенциала, внедрения и задействования новых, нестандартных методик и техник, что содействуют развитию и повышению эффективности функционирования объектов, которые их употребляют.

Таким образом, ставится вопрос о возможности создания технологии (как схемы деятельности) позволяющей выработать инновационное решение в рамках преобладающего у политических элит институционального подхода при принятии решений. Она сразу требует замера способностей действующих элитных групп как ключевых акторов модернизации. В верхней планке их индексов – готовность выступать в роли модернизационных элит в режиме партнерства. И комплекс обеспечивающих ее умений, компетенций:

а) входить в существующие и строить новые профессиональные общности, субъективироваться в них и вырабатывать собственную позицию;

б) подходить к ней не с точки зрения функций монополиста или лоббиста, а посредством перевода разного рода межуровневых, межведомственных несоответствий в состояние сотрудничества;

в) выявлять опасности слабых мест не столько на практике, сколько в ходе проектной деятельности, моделирования и прогнозирования [14].

В любом варианте как качественные характеристики или как элементы новой технологии это условия успешного профессионального и инновационного развития элит, недостаток которых на практике следует из оценки результатов запуска и работы инновационных проектов, программ, механизмов [11], их ограничений, выделяющих *предваряющие процедуры* к выработке инновационного решения. После сопоставления имеющихся данных [13], приходится фиксировать и факт того, что, несмотря на наличие структуры институтов, возросшего «в разы» – целевого финансирования систем управления ИП разного уровня, числа «элит» общественных (якобы контролирующих) организаций, намеченные цели инновационного процесса в РФ не достигнуты.

В таблице [Цит. по 3, с. 11] сравниваются фактические значения индикаторов инновационного развития со значениями, прописанными в двух государственных программах-стратегиях. Цифры свидетельствуют, что намеченных рубежей достичь не удалось и, что по таким индикаторам, как индекс инновационной активности, удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж в промышленности, доля ВВП на исследования к 2020 г. требует удвоения утроения имеющихся значений.

Таблица

Сравнение фактических значений индикаторов инновационного развития со значениями, прописанными в двух государственных программах-стратегиях

Индикатор инновационного развития	2010 г.	Стратегия до 2015 г. **		Факт	Стратегия до 2020 г. *	
		инерц.	позитив.		2013 г.	2020 г.
		2012 г.				
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции, %	4,8	8,5	16,2	7,8	7,2	25,0
Удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в их общем числе, %	9,3	14,4	17,0	10,3	9,6	25,0
Внутренние затраты на исследования и разработки в ВВП, %	1,3	1,70	2,2	1,12	1,5	3,0
Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на изобретения, поданных российскими заявителями в стране, в расчете на 10 тыс. населения)	2,0	1,96	4,7	3,1	2,1	2,8
Удельный вес используемых передовых производственных технологий, включающих объекты интеллектуальной собственности, в общем их числе, %	–	4,9	6,2	3,2	–	–
Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей, %	32,8	28,4	35,4	38,6	33,1	35,0

Источники: Федеральная служба государственной статистики РФ. – www.gks.ru;

*Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ № 2227-р от 08.01.2011 г.;

**Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года. Утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15.02.2006 № 1).

Предшествующая информация свидетельствует о том, что в стране достаточно механизмов для запуска и контроля инновационных процессов, имеются соответствующие структуры управления, опирающиеся на вполне устоявшиеся системы (стратегия, тактика, техника, финансирование). Решающих сдвигов, вопреки заверениям лидеров, за последние 5 – 7 лет не произошло. Созданный в 2009 г. инновационный центр «Сколково» пока только выходит на проектную мощность, другие институты развития тоже не презентовали возможности революционного прорыва к модернизации экономики. Если говорить о причинах в рамках существующей системы управления, то помимолучения, что «все кризисные процессы имеют политические корни...» [2], необходимо указать на сложность задачи и поиска скоординированного по всем отраслям решения, а также отсутствие эффективного инструмента разработки элементов инновационной стратегии и тактических управленческих решений в ее рамках.

В этом контексте возникает вопрос не столько о критериях, индексах и параметрах действенности принятых стратегий, что не маловажно. Сколько о недооснащенности самого инструментария как некоего комплекса инструментов, обеспечивающих проработку исходных положений национальной стратегии инновационного развития, которая, в свою очередь, уже «рекомендует местным властям стимулировать развитие региональной инновационной инфраструктуры, в том числе и венчурных фондов». Поэтому из регионов и идут предложения, направленные на разрешение проблем развития инновационных структур не только местного, но и федерального уровня [15], что само по себе полезно и позволяет рассматривать эту коммуникацию в качестве эффективного элемента достройки требуемого инструментария.

С другой стороны, мотивация местных элит к инновациям будет тем выше, чем больше предлагаемые центром нововведения будут отвечать их неотложным нуждам. Пока же принятые стратегии реализуются в виде, ранее – создания, ныне преимущественного финансирования нескольких структур – Агентства стратегических инициатив, названного Сколково, Российская Венчурная компания, ее «дочек» и др., которые должны были стать локомотивами процесса и генерировать инновации. Стратегия развития этих единиц инновационной инфраструктуры РФ, в значительной степени, сопряжена с политическими элитами, чей инновационный потенциал, мягко говоря, не высок, что нивелирует те возможности, которые они представляют как внешние, деполитизированные структуры.

Технологическая неконкурентоспособность основной «массы» российских элит (сильных, по сути, за счет смелых решений национальных лидеров), будет приводить и далее к оторванному от стратегических задач государства инвестированию. Учет их позиций, а не риторики, обнажает очевидные границы для диффузии и развития инноваций, поскольку любой «член команды» ограничен существующими во власти процессами и регламентами. Вот почему, наряду с индивидуальными исследованиями этих аспектов необходимо всячески стимулировать коллектив-

ные (междисциплинарные, межвузовские, межрегиональные, международные) экспертные проекты, благодаря которым обеспечивается не только систематизация, но и прогресс знаний. Их производству, трансферу и внедрению со стороны ведущих университетов отводится ныне первостепенная роль в процессах переориентации экономического курса в условиях роста международной напряженности (санкций). Где инновации – путь к выживанию.

Отсутствие четкого инновационного инструмента как набора освоенных и используемых элитой схем, средств и механизмов деятельности, предопределяющих в целом сам способ их отношений с миром, который впоследствии становится источником инновационной политики, адекватного применения гуманитарных технологий [7] и т. д. – одна из основных причин низких темпов инновационного процесса РФ. Менеджмент структур данного типа пользуется, в частности, традиционным инструментарием экспертных оценок, методом Дельфи, данными опросов разных мнений, мониторинга органов статистики, но результат говорит, что этого недостаточно. Все эти методы по-своему ограничены, к примеру, технические и научные эксперты в состоянии разработать новое предложение/решение, но не способны объективно оценить процесс его реализации в параметрах трансформирующейся экономики и политической системы в целом.

Кроме того, даже при наличии нескольких консолидированных экспертных мнений и предложений уже на этапе подготовки решения начинают активно работать отраслевые, ведомственные и региональные интересы, отражающие, как правило, характер основных трендов, но в «свою пользу». Эти же интересы могут «сработать» и при отборе экспертов (для того же метода Дельфи), обеспечивая «нужный результат». Такие факторы не перекрывают эволюцию инновационных сегментов, но значительно снижают работу их механизмов, действующих в рамках определенных структур. По этой причине «личный состав» президентских и министерских комиссий и советов, комитетов в Госдуме и далее по «вертикали», действуя, в общем, на благо, так или иначе (с учетом степени зависимости) ориентируется на интересы органа власти, к которому он «приписан».

В регионах возникновение и действия института научной экспертизы (как центра обеспечения инновационной деятельности с дифференциацией по профилю и уровням) имеет свою предысторию, связанную с процессом формирования зоны публичного анализа на пересечении двух сфер профессиональной деятельности, каждая из которых, в принципе, может существовать автономно. Это:

а) академические исследования;

б) политическое планирование в рамках структур государственной и муниципальной власти.

Именно наложение этих двух различных, но потенциально взаимодополняющих сфер и дает эффект в виде феномена публичной экспертизы, в лице индивидуумов и групп экспертов, организационных структур и профессиональных ассоциаций, участвующих в инновационном процессе. Динамика этого участия, отражая изменения последних лет, сопряжена с огра-

ничением экспертного сообщества в качестве источника выработки инновационных стандартов. Изменить ситуацию в центре и на местах мог бы новый инструмент содействия выработки политических решений в сфере инноваций.

Каким он видится? Кроме указанных аспектов, он, во-первых, должен быть *надведомственным*, иначе неизбежно лоббирование групповых интересов. В связи с этим, выработка инновационных предложений, как для общей стратегии, так и отдельных направлений и даже по конкретным проблемам должна обеспечиваться не только законодательно прописанным участием представителей бизнеса, науки и производства в ГЧП, но и по сетевому принципу. Такое условие необходимо, поскольку вероятность появления принципиально новых идей в штатных комиссиях и комитетах сравнительно мала. Они чаще в состоянии *фильтровать* уже имеющиеся нововведения (причем и на параметры фильтров оказывает влияние борьба отмеченных интересов), чем продвигать отличные от несущественных изменений инновации. В свою очередь, *сетевая экспертная группа* это масштабный ресурс для развития всей структуры науки и технологий в России.

Другим важным элементом нового инструментария должна стать профессиональная *модерация*. Ее работа не должна подчиняться исполнительной власти, в отношении принципов это может быть Общественная Палата, но только в области технологических и других инноваций. Модерация должна контролировать развитие обсуждения, нацеливать его на достижение практического результата, гарантируя при этом паритет участников. Важно понимать, что основным оппонентом инновационного развития является административно-политическая часть элиты. С одной стороны, следуя из термина – административная машина

будет сопротивляться введению/выполнению дополнительных и нерегламентированных усилий инновационного развития, с другой – политически противостоять формированию модернизационной и инновационной элиты. Поэтому, ключевой задачей диалога, консолидированная позиция которого учитывается в решении проблем инновационного развития, является факт того, чтобы процесс обсуждения мог противостоять политическому (аппаратному) весу его участников.

Предположительно, что механизм в виде предварительной дискуссии, где акторы четко отобраны по ролям, участие каждого согласовано с вышестоящей инстанцией, ход дискуссии жестко модерируется согласно установленному плану, все участники имеют конкретный пул информации, а результатом форума всегда является конкретное решение – стал бы серьезным подспорьем инновационному развитию России. И управлению им со стороны элит, участие в котором позитивно меняет их профессиональное пространство.

Такой механизм, будучи площадкой разногласий и публичного обсуждения, сможет обеспечить селекцию и аккумуляцию идей, выбор оптимально-поступательных вариантов движения, служить дополнительным элементом обратной связи в ходе их реализации. В этом случае и при благоприятствующей пока законодательной базе реально появление ярких отечественных концепций, учитывающих особенности новых форм управления на партнерских методах социального взаимодействия, публичных механизмов, оснащающих элиты государства и гражданского общества компетенциями к инновационному решению, развивающему возможности государственно-частного партнерства и их собственный инновационный потенциал.

Литература

1. Афанасьев М. Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Либеральная миссия, 2009. 132 с.
2. Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // Эксперт. 14.09.2009. № 35(672). С. 27 – 33.
3. Водопетов С. В. Развитие инструментария политических элит для национального инновационного развития // Инновации и инвестиции. 2014. № 8.
4. Гудков Л., Дубин Б. Иллюзия модернизации: российская бюрократия в роли «элиты» // ProetContra, 2007. Т. 11. № 3(37). С. 73 – 97.
5. Казаков М. А. Институционализация российских элит – актуальная тема современной истории и политологии // Война. Общество. Человек: сборник статей Международной научно-практической конференции «Война. Общество. Человек», 21 февраля 2014 г. Н. Новгород: НФ УРАО, 2014. С. 109 – 118.
6. Казаков М. А. Постсоветский транзит региональной элиты в современном политическом процессе России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. Н. Новгород, 2005. 48 с.
7. Казаков М. А. Ценностно-деятельностный подход в исследовании современных политических элит и лидеров: понятия субъектности и гуманитарных технологий // Нижегородский журнал международных исследований. Осень-зима 2009. Н. Новгород, 2009. С. 11 – 18.
8. Казаков М. А., Савельева И. В. Институционализация региональных элит в процессе реализации национальных интересов современной России // Вестник Тамбовского университета. (Серия: Гуманитарные науки). Тамбов, 2014. Вып. 2 (130). С. 182 – 187.
9. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
10. Основы прикладной социологии / под ред. Ф. Э. Шереги, М. К. Горшкова. М.: Academia, 1995.
11. Сборник «Индикаторы инновационной деятельности» 2014 г. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Режим доступа: <http://www.hse.ru/primarydata/ii2014> (дата обращения: 29.04.2014).
12. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000.

13. Статистика инноваций в России // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf (дата обращения: 28.03.2014).
14. Тощенко Ж. Т. Прогнозирование, проектирование и планирование в социальном управлении // Социология власти. 2005. № 5. С. 29 – 30.
15. Трифонов В. А., Бубин М. Н. Венчурные фонды как действенный инструмент поддержки и развития реального сектора экономики (на примере Сибирского федерального округа) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1(57). Т. 1. С. 230 – 236.

Информация об авторе:

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, kazakov_mihail@list.ru.

Mikhail A. Kazakov – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Applied Political Analysis and Modeling, N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Статья поступила в редколлегию 24.10.2014 г.

РЕТРАКТИРОВАН
02.05.2023